

Глава 2: Испытание Пушистого Духовного Облака

Поскольку в старом замке не было гостиной, мы с рыцарем сидели друг напротив друга за простым столом в тени деревьев, и между нами стоял заварочный чайник.

— Позвольте представиться: Северан Нуаре. Э-э-э...

Рыцарь в чёрном назвал своё имя, а я тихо ответил: «Никола».

Я уже давно собирался отказаться от звания мастера духов. Теперь я был просто Николой, скромно зарабатывавшим на жизнь продажей овощей и лекарственных трав. Но воспоминания о том времени, когда я был мастером духов, всё ещё никуда не делись.

(Нуаре...)

Кажется, это был графский род. Я не помнил его лица, так что, вероятно, он не был прямым наследником.

Часто услышишь историю о том, как сыновья, которым не суждено унаследовать титул, стремятся стать «рыцарями духов», чтобы добиться определённого успеха.

Сан-Сильванское Святое Королевство — нейтральная страна, с древних времён находившаяся под защитой духов и редко вступавшая в раздоры с другими государствами.

В стране, разумеется, есть королевский рыцарский орден, но быть избранным в число двенадцати священных рыцарей духов, охраняющих Великого Мастера Духов — главу Сильванской Святой Церкви, — считается огромной честью.

А тем мастерам духов, которые избраны «Проводниками Священного Древа»

— кандидатами в будущие Великие Мастера Духов, — приставляются личные рыцари. Это и есть рыцари в чёрном.

В отличие от облачённых в серебряные доспехи двенадцати священных рыцарей духов с их заслуженной славой, им выдаётся чёрная униформа. За ними следуют рыцари Ордена Священных Рыцарей, облачённые в серые мундиры.

Я мельком взглянул на выгравированную на его груди эмблему лилии.

Если так, то...

(Либо он просто чрезмерно истово верует, либо у него аномально сильное стремление к продвижению по службе... одно из двух.)

По одному лишь взгляду на лицо определить, что он за человек, пока было невозможно.

Его низкий, но при этом сладковатый, мягкий голос и спокойная, парящая улыбка совершенно не выдавали той неприязни к общению, которая свойственна мне.

Да и вообще, одно лишь упоминание профессии «святого рыцаря» вызывало у меня как у живого существа животный страх. Я готов был воздать хвалу самому себе за то, как поступил тогда, мгновенно надев маску.

Рыцарь, назвавшийся Севераном, робко заговорил, наблюдая за моей реакцией:

— Итак... вы прочитали пригласительное послание из столицы?

— Д-да. Кажется, произошла накладка, и я ещё не написал ответа, но...

Совсем недавно за его спиной куры клевали именно этот свёрток с приглашением.

С того самого мгновения, как я это заметил, я чувствовал себя стоящим на краю пропасти и от всего сердца молился Королю Духов лишь о том, чтобы он не обернулся.

— Когда вы планируете отправиться в путь?

— Думаю, как только буду готов, но Праздник Духов ещё не скоро... так что, может быть, после того, как перезимуем...

— Перезимуем? Сейчас... лишь наступает осень, а в церкви уже начался отбор.

— ...Что вы имеете в виду?

Праздник Духов, проводимый каждой весной, — событие, будоражащее всю страну. А раз в пять лет, в год, когда проводится церемония подношения ветви Священного Древа, празднества становятся вдвое пышнее.

То, что Церковь проводит этот отбор — то есть отбор «Проводника Священного Древа», который будет возносить молитвы на Празднике Духов, — было само собой разумеющимся.

Я не понимал, почему вызвали именно меня, да и вообще, Северан должен был быть рыцарем самого вероятного кандидата — Октава Шармона. Ведь на его доспехах выгравирована эмблема

лилии, дарованная господином Октавом.

(Так почему же он прибыл за мной...)

Это тоже вызывало недоумение.

Продолжая пристально смотреть на меня, Северан произнёс:

— Вы с самого рождения являетесь кандидатом в «Проводники Священного Древа».

В то мгновение, когда эти слова достигли моих ушей, моё тело напряглось так, будто внутренности набили глыбами льда.

(Кандидат...? Этого не может быть.)

После того как пять лет назад я совершил ужасную ошибку, Церковь должна была желать стереть само моё существование. Если бы это было с самого рождения, то я был родом из захолустного сиротского приюта, а Церковь обратилась ко мне как к мастеру духов только в десять лет.

Но то, что этот рыцарь меня не знал, было к лучшему. Скорее всего, он просто оказался здесь по долгу службы.

От волнения чай в чашке, что я держал, едва не пролился, и я поспешно поставил её на блюдце. Но фарфор лишь задребезжал, столкнувшись, и этим звуком выдал мою тревогу.

(Не думать. Сейчас притвориться послушным и искать путь к отступлению. Это самое безопасное и правильное действие. Ничего не говорить. Не поднимать волн. Стереть собственное мнение и думать только о том, как пережить эту ситуацию.)

Я мысленно твердил это себе.

Но сколько бы я ни твердил, тревога и страх растекались по всему телу.

Не хочу возвращаться...

Не хочу возвращаться в то место...

Хочу жить в этом старом маленьком замке, выращивая овощи и лекарственные травы.

Ничего страшного, если зимой будет немного холодно. Ничего страшного, если при разговоре с людьми из соседнего городка будет немного болеть живот.

Я отбросил всё и пришёл сюда. Я просто хочу жить тихо-тихо.

(Не хочу вспоминать... Исчезни... Исчезни!)

Но чем больше я так думал, тем ярче и ближе становились ошибки, совершённые мной в прошлом, настойчиво заявляя о себе. Под маской мои глаза постепенно наполнялись слезами.

Возвышенный расчёт абсолютного победителя, намеревавшегося притвориться послушным, рухнул перед моей трусостью.

— Послушайте...

— Да.

— ...Не могли бы вы уехать обратно?

Мне удалось выдать лишь тихий-тихий, словно шелест ветра, голос. Моё лицо под маской, должно быть, сильно побледнело.

То ли удивлённый слабостью этого голоса, рыцарь по имени Северан моргнул своими лазуритовыми, подобными звёздному небу глазами. Но я всё равно продолжил:

— Не могли бы вы передать, что я уже умер... что исчез без следа...

Слова, прорвавшие плотину, полились из моего рта, выталкиваемые ужасом, подступившим к самому горлу.

— Я больше... не доставлю хлопот. Я правда уйду и отсюда. Если подумать, я прожил в этом месте почти пять лет, с того самого времени, как мне было восемнадцать... я могу лишь быть благодарен господину Серафиосу... но уже...

Северан, похоже, оказался на удивление добрым человеком, и он всё это время просто слушал мою сбивчивую речь, словно присматривая за мной.

— Пожалуйста, не могли бы вы оставить меня без внимания...

Ведь он рыцарь господина Октава, так что выбывание такого кандидата, как я, должно было быть для него лишь поводом для радости.

Будучи трусом, я строил и такие расчёты.

Господин Октав — честолюбец, полный уверенности, из хорошей семьи и с деятельным характером. Святая Церковь — независимая организация, не участвующая в государственной политике, и когда выбирают мастера духов благородного происхождения, с ним, вероятно, нужно обращаться осторожно, и он, так сильно сам желающий этого, непременно поведёт Церковь в качестве следующего Великого Мастера Духов.

Если же притащить такого странного человека в маске, как я, это ни капли не поможет отбору.

Пусть бы он просто разочаровался во мне, как и все остальные, и, изумившись, удалился бы прочь.

Я сидел опустив голову и сильно сжимал кулаки, когда Северан почему-то произнёс низким, словно подавленным голосом:

— ...Этого сделать нельзя.

— А?

— Как я уже говорил ранее, господин Никола является кандидатом в «Проводники Священного Древа» с самого своего рождения. Думаю, что после завершения отбора вы вольны поступать как вам угодно. Но до тех пор я хотел бы, чтобы вы остались в столице на несколько недель... нет, хотя бы на несколько дней.

Теперь настала моя очередь моргать.

Путь мастеров духов к званию Великого Мастера Духов — это битва, в которую вкладывают всю жизнь и поддерживающие их рыцари. Ведь оценка их собственной жизни меняется в зависимости от успеха мастера духов, которого они поддержали.

Каким бы человеком ни был Северан, раз он принадлежит к этому конкурентному обществу, где на кону стоит его карьера, и стремится к его вершине, именно поэтому он и облачён в чёрное одеяние.

— Но ведь! Вы рыцарь господина Октава. Я думаю, что моё присутствие или отсутствие ничего не изменит, но даже если вы будете строить планы, чтобы ваш господин был избран, в этом не будет ничего...

Почему-то внутри меня внезапно вспыхнуло чувство, смешанное из гнева и стыда, и мой тон стал резче. Но Северан, напротив, спокойно продолжил:

— Я стремлюсь к справедливому отбору и беспристрастному результату.

Северан приложил руку к эмблеме лилии, выгравированной на груди доспехов, и пристально посмотрел на меня. Я потерял дар речи, будто его слова высветили мою собственную подлость и трусость.

Господин Октав так жаждал быть избранным «Проводником Священного Древа», что стремление Северана к справедливости вызывало у меня диссонанс.

Но ведь прошло уже пять лет с тех пор, как я покинул столицу.

Если господин Октав выбрал такого рыцаря, как Северан, возможно, за эти пять лет и у него произошли перемены.

(Но и у меня есть то, в чём я не могу уступить...)

Однако я не знал, как ещё просить его, и между нами повисло молчание.

Некоторое время я сидел опустив голову, мучаясь раздумьями, но когда вдруг Северан с возгласом «А!» одарил меня яркой улыбкой, я непроизвольно вздрогнул от страха.

— Я примчался на лошади, но у меня с собой много поклажи. Конечно же, есть и подарки для вас.

— Нет, н-не стоит. Правда.

Я скорее хотел бы, чтобы он просто ушёл. Однако в словах Северана чувствовалась непоколебимая воля — он во что бы то ни стало намеревался забрать меня с собой.

Он казался человеком совершенно противоположным мне: сильным, жизнерадостным и чётко высказывающим своё мнение.

Раз уж я сказал ему, что ещё не готов, он, наверное, не собирался увозить меня прямо сегодня или завтра, но сейчас было необходимо чётко обозначить дистанцию.

* * *

□Всё-таки остаётся только улучшить момент и сбежать —□

Раз мы с Севераном расходились во мнениях, иного пути у меня не оставалось.

Как только он хоть ненадолго отлучится, я сяду на лошадь и отправлюсь куда-нибудь далеко. Лучше в другую страну. Туда, куда даже слухи о Празднике Духов не доходят.

И ради этого прежде всего нужно выставить его из замка.

Когда я твёрдо это решил, Северан с озадаченным лицом улыбнулся и произнёс:

— Простите, я очень устал с дальней дороги, можно мне остаться у вас на ночь?

— Н-но... город ведь сразу рядом...

— Да. Однако мне хотелось бы послушать и рассказы господина Николы.

Сказано это было с таким чистым, незамутнённым взглядом, что внутри у меня кольнуло, будто иглой. Да нет у меня никаких рассказов. Разве что о том, как выращивать морковь, мог бы немного поведать...

— попытался я уйти от реальности в мыслях, но сейчас было не до того.

Как бы то ни было, нужно избежать его пребывания здесь во что бы то ни стало.

— Но здесь не убрано, комнат для ночлега нет... Ведь это же... старый обветшалый замок.

— С комнатой я и сам справлюсь. В конце концов, меня закалили в церкви, уж положитесь на меня.

Мягкая, ласковая улыбка Северана, буквально переполненная добросердечием, для такого пресмыкающегося существа, как я, была чистым ядом.

□Сильный... Ненавижу. Сильных людей□

Стоило мне услышать хоть слово отказа, как я тут же падал на спину и покорялся. Если бы его намерением не было «вернуть меня в столицу», мне бы и в голову не пришло так мучительно спорить с ним.

Но именно в этом я не мог уступить ни за что.

Пытаясь найти у него хоть какую-нибудь слабость, я невольно перевёл взгляд на холщовый мешок — по-видимому, его поклажу.

Это было ошибкой.

□Ах...□

И что ещё хуже, Северан заметил мой застывший взгляд.

— Ах, это гостинец. Вам нравится? Пушистое Духовное Облако. Довезти так, чтобы не помялось, было той ещё задачей.

— Пушистое Духовное Облако.

Это сладость, которую продают только на площади перед Великим Собором в столице. Слышал, что её едят аристократы, но и среди простолюдинов она считалась уж слишком роскошным лакомством.

Между двумя воздушными испечёнными пшеничными лепёшками — сладкий заварной крем. Поскольку формой оно напоминает облако, а сверху украшено листочком Священного Древа из леденца, продают его под названием «Любимое лакомство Духов».

То, что я когда-то ел почти каждый день, вот уже... пять лет как не пробовал.

Против воли во рту стало влажно.

Но я обязан отказаться во что бы то ни стало. Это лакомство я отчаянно загонял в самый дальний угол памяти, силясь забыть. Если бы сегодня его не вспомнил, так и продолжал бы как-нибудь обходиться.

С разрывающимся сердцем я открыл рот, чтобы решительно отвергнуть его предложение.

— Н-ну разве что на одну ночь.

— Спасибо вам большое.

— Ахх...

<http://bllate.org/book/17984/1728123>